

1

— Итак, в вас стреляли...

Щукин стал у кирпичной стены, оказавшись спиной к потерпевшему, и с интересом рассматривал следы от пуль, будто никогда не видел ничего подобного. Ровненькая кладка — кирпич в кирпич — и между ними тоненькая прослойка раствора до того аккуратны, что, скорее, соответствуют стенам жилого помещения, нежели всего-навсего гаража. И на этой ровной кладке свежие характерные выщербины. Несведущий человек подумал бы, будто хозяин начал с непонятной целью хаотично ковырять стену, потом ему надоело, и он бросил это занятие. Но Щукину выщербины хорошо знакомы, без сомнения, их сделали пули. К счастью, потерпевший отделался всего лишь большим испугом.

— Конечно, в меня, — с ноткой агрессивности бросил Валентин Самойлов, он же потерпевший. — А в кого еще? Я был один.

Щукин обернулся и устремил взгляд на Самойлова, который напряженно сидел на краю старого, видавшего виды кресла в углу гаража. Валентин нервно курил одну сигарету за другой, гася их в банке из-под маслин. Его агрессивность простительна и в общем-то оправдана — в Самойлова стреляли несколько раз

прямо в гараже, а тут вал вопросов, на которые он не мог ответить ввиду того, что не знал ответов. Его нервировал бесконечный осмотр места происшествия, иногда казалось, будто никто не верит его словам. Но в него действительно стреляли. Стреляли и не попали ни разу! Каково, а? Покушение совершено в одиннадцать вечера, сейчас час ночи. Не верить потерпевшему оснований нет, но... много возникает «но». Шукин оглядел просторный и опрятный гараж — во всем чувствуется хозяйская жилка.

— Ну-ка, еще разок повторите, — попросил он. — Вы приехали домой...

— Я приехал, — заговорил потерпевший с натугой, воспоминания давались ему нелегко. — Приехал, открыл гараж пультом дистанционного управления, въехал. Свет у меня включается автоматически, лампочка горит над въездом, но тусклая. Я вышел из машины... и тогда раздался первый выстрел. Пуля пролетела у головы, я слышал ее свист, слышал, как она врзалась в стену. Я присел... не буду рассказывать, что пережил... Когда я присел, прижавшись к машине — спрятаться здесь негде, вы сами видите, — тогда раздался второй выстрел. И снова пуля отчетливо просвистела возле уха. Я перебежал за нос машины, но он... он вошел в гараж. Потом... я плохо помню, только то, что пытался убежать от пули. Смешно, да? Бежать-то некуда. Только мне не было смешно. Не знаю, как я очутился в том углу... последний выстрел он сделал в упор, стоя напротив меня. И снова не попал, пуля врзалась в стену над головой. — Валентин вскочил с кресла, в мгновение ока присел в углу и показал вверх на след от пули. — Видите? Над головой прошла.

— После выстрелов он ушел? — выяснял мельчайшие подробности Шукин. — Ничего не сказал? Может, хотя бы выругался?

— Нет. Ничего не говорил. Он все время молчал, только ходил за мной. Я закрыл голову руками и ждал,

что он прикончит меня. Но он сделал последний выстрел и ушел. Я не видел, как он уходил, только слышал.

— Семь попаданий в стену, — сообщил Вадик после осмотра гаража.

— А у меня семь гильз, — доложил пожилой эксперт, потрясая полиэтиленовым пакетом. — Могу сразу сказать, что стреляли из старого оружия. А из какого, будет известно после баллистической экспертизы.

— В лицо его видели? — спросил Щукин Валентина.

— Хм! — качнул головой Самойлов, поднимаясь. Он подошел к Щукину, глядя ему в глаза, убедительно сказал: — Как вы думаете, мне до того было, чтобы разглядывать его лицо? Фигуру видел. Он был в черном... плаще, наверное. Длинном. И в черной шляпе. Может, цвет был другой, но свет падал сзади, поэтому его одежда мне показалась черной. И лицо было черным. Он был как фантом, как пришелец из преисподней...

Самойлов вернулся в кресло, закурил. Пару минут Щукин наблюдал за ним. Валентину тридцать четыре. Судя по гаражу, он кое-чего достиг в этой жизни, но, судя по машине, не так уж и много — тачка отечественная и далеко не крутая. А вот внешностью он не обделен, лицо приятное, а с точки зрения женщин, наверное, так даже и красивое, с правильными чертами. Глаза умные, темные, под стать глазам волосы, то есть тоже темные, коричневого оттенка, волнистые. И рост, и телосложение... короче, успехом у женщин он пользуется, вне всякого сомнения. Ну, вот и первая версия готова: ревнивый муж решил проучить любовника дражайшей супруги. Ведь как-то надо оправдать выстрелы, ни один из которых не попал в цель?

Неспешно прохаживаясь взад-вперед перед потерпевшим, Шукин сказал то, что на его месте сказал бы любой следователь:

— Давайте подумаем, кто и зачем в вас стрелял?

— Не знаю, — глядя в пол, ответил Самойлов.

Видимо, он сам роется в памяти, ищет, кому крупно насолил. Шукин тоже рылся в памяти, да только идентичного случая не припомнил. Если уж стреляют в кого-то, то обязательно попадают. А тут семь выстрелов фактически с двух шагов — и ни одного попадания! Нереально.

— Тогда вспомните врагов, — предложил Шукин. — Враги-то у вас есть?

— Думаю, да, — но ответ Валентина не был уверенным. — Ну, конкуренты есть, у меня строительная фирма — мы строим дома под ключ, занимаемся ремонтом. Да нет, из моих конкурентов никто не отважится на такой... безумный поступок. Мой бизнес не дает астрономических прибылей, из-за которых убивают. Что заработал, то и получи. И зачем стрелять в меня, зачем? Чтобы убить? Так меня не убили!

Шукин усмехнулся. Не убили. Но стреляли. Действительно, зачем?

— Ну, есть несколько человек, которых я выгнал с работы, — продолжал вспоминать Валентин, закуривая следующую сигарету. — Их считать врагами?

— Вам видней, — пожал плечами Шукин, глядя под ноги. Потерпевшему могло показаться, что следователю глубоко безразличны недавние выстрелы в гараже, но это не так. Шукин обдумывал вопросы, с помощью которых выстроится версия.

— Бред, — тряхнул головой Валентин. — Вы считаете, пьяница способен прийти сюда и стрелять? Руки тряслись после похмелья, поэтому не попал в меня? А где же пьяница взял пистолет? Выгнал-то я как раз любителей выпить на рабочем месте. Нет, это... этому названия нет.

Он помолчал, глубоко затягиваясь сигаретой, которую докурил до фильтра. Гася ее, Валентин мысленно вернулся на два часа назад:

— Знаете, я только помню, что он... он не торопился. Понимаете? Не суетился, а спокойно, хладнокровно стрелял. Суетился я. И метался по гаражу. А он был спокоен! Я вжимаюсь в стену, а он выбирает место, откуда ему удобней стрелять, поднимает руку, целится и...

— Скажите, Валентин, вам угрожали по телефону, письма присылали: мол, не делай то-то и то-то?

— Нет.

— С женщинами как у вас?

Самойлов поднял на Щукина непонимающие глаза.

— Я имею в виду, не мог к вам прийти оскорбленный муж?

— Я пять лет не интересуюсь женщинами, а замужними никогда не интересовался. У меня жена-красавица, я люблю ее, есть маленькая дочь, забот без того хватает.

Валентин говорил с долей возмущения. Следовательно, версия отпадает. Но это не значит, что женщины им не интересуются. А если отвергнутая женщина решила отомстить таким странным способом? Переделалась в мужскую одежду, стреляла, получая удовольствие, когда Валентин от страха метался по гаражу. Почему он уверен, что это был мужчина?

— Где ваша жена? — спросил Щукин. — Почему она не прибежала на выстрелы?

— Уехала присмотреть новые материалы, через день вернется. Она экономист, помогает мне, ведет бухгалтерию. Мы планируем строить дома за свой счет, потом продавать их. Сейчас много интересных проектов частных усадеб, это доходный бизнес.

— А дочь где?

— У тещи и тестя на даче.

— Хорошо, — остановился Шукин напротив Валентина. — А друзья? Есть среди них завистники?

— Если друзья завистники, то это уже не друзья, — пожал плечами тот. — По большому счету мне завидовать не в чем. Я пашу как вол. Да, на жизнь хватает, но не на излишества. У моих друзей уровень примерно такой же. Хотя есть, конечно, и более состоятельные люди.

— Вы заметили рост стрелявшего?

— Представляете, в каком я был состоянии? — Самойлов в сердцах ударил себя по коленям. Если бы он понимал, что произошло, или хотя бы догадывался о причинах! Но он не понимал, поэтому нервничал не меньше, чем когда видел руку с пистолетом и слышал выстрелы. Через минуту он снова заговорил, понизив голос: — Мне он показался огромным, до потолка. Вообще-то я не из трусливых, честное слово. Просто это произошло так внезапно... и так быстро... Я ничего не видел, кроме черной фигуры. Даже пистолета не видел, он сливался с рукой, а с выстрелом на короткий миг вырывалось пламя... Пламя из дула я видел. Больше ничего.

— Ну что ж, «шутник» сегодня больше не придет...

— Полагаете, это была шутка? — почему-то оскорбился Самойлов.

— Я пока ничего не полагаю. Мой вам совет: выпейте водки и ложитесь отдыхать. А послезавтра прошу ко мне. До свидания.

Шукин вышел на улицу. Темно. В ночном воздухе стоял ядреный запах цветущей акации, он перемежался ароматами зелени. В этом году май относительно прохладный, зелень лезет как из рога изобилия, а обычно к июню стоит жара, солнце успеваает пожечь флору. Подойдя к автомобилю, Шукин оглянулся. В глубине двора небольшой домик, ворота гаража выходят прямо на улицу, посему не возникает вопроса,

как «шутник» проник в гараж, он просто вошел с улицы за въехавшей машиной.

К Щукину подбежал Гена, сообщил, что никто из соседей не хочет разговаривать ночью.

— Завтра опросишь, — бросил он в ответ, открывая дверцу авто.

— Я такого цирка даже в кино не видел, — садясь в машину, хохотнул Вадик. — На что американцы фантазеры, и то не додумались слепить боевик из семи пуль мимо цели.

— В боевиках героев поливают из автоматов и не попадают, — возразил Гена. — Но я согласен с Вадиком: стрелять, целясь с двух шагов, и не попасть... это надо быть слепым. А по всем показаниям потерпевшего стрелок был зрячим, ведь Самойлов заверяет, что он ловил его, то есть выбирал место, и стрелял точно по Валентину. Но не попадал. Может, он не собрался попадать, специально стрелял мимо?

— В таком случае в поступке стрелка нет логики, — поспешил сказать Вадик. — Зачем он тогда вообще стрелял? Не знает, что за подобные шутки заводят уголовные дела? А что вы думаете по этому поводу, Архип Лукич?

— Честно говоря, не знаю, что думать, — признался Щукин. — Дело-то мы заведем, а вот доведем ли его до конца... вопрос, конечно, интересный.

— Что тут думать, — пожал плечами Гена. — Совершено покушение на убийство.

— Покушение! — хмыкнул Вадик. — Моя бы воля, я бы квалифицировал действия стрелка как разбойное нападение.

— С какой целью? — фыркнул Гена. — Ограбления не было, все цело.

— Тогда я бы назвал данный инцидент крупным хулиганством, — не соглашался Вадик. — Но покушение — это сильно круто. Стрелявший даже не ранил Самойлова.

— Ничего себе — хулиганство! — возмутился Гена. — Обойму выпустил и сбежал! Точно, это покушение, только смысл его непонятен.

— Не спорь, Вадик, — разворачивая машину, сказал Шукин. — Действия стрелка квалифицируются как покушение на убийство. Тебе напомнить? Убийство — это умышленное причинение смерти другому человеку, а покушение — это когда некое лицо пыталось осуществить преступление, то есть убить, но не довело его до конца по не зависящим от него обстоятельствам. Например, патроны кончились.

— Ой, да знаю я все наши закорючки, но не согласен с ними! — со свойственным ему максимализмом воскликнул Вадик. — Суть в чем? Если он пришел завалить Самойлова, почему не завалил? Ну да, бывает, сразу и не попадают, правда, с большого расстояния. Но ведь стрелок-то находился в гараже! Не прятался, не боялся, что его узнает Самойлов. Хорошо, не попал раз... ну, два... пусть три раза не попал, но не семь же! На фиг тогда стрелять?

— Я думаю, стрелок припугнул Самойлова, — вывел Гена.

— В данной истории менястораживает другое, — произнес Шукин. — У Самойлова нет заклятых врагов, у которых был бы повод убить его или припугнуть, следовательно, трудно будет установить мотив. А стрелок пришел, имея мотив.

— Ничего, ночь переспит, вспомнит, с кем в детском саду горшками дрался, глядишь, и тайный враг найдется, — успокоил Вадик. — Нет, не понимаю! Почему он стрелял? Или даже так: почему он не попал?

Молчание. А что тут скажешь?

Почти два дня Шукин провел в раздумьях, которые с полным основанием можно назвать философскими сетованиями на жизнь. Только-только он почувствовал себя уверенно, увидел в глазах коллег ува-

жение, начал готовиться к дальнейшим удачам, как вдруг судьба состроила рожу: держи невыигрышное по всем статьям дело. Зацепок нет, как и нет мотива, нет ни одного подозреваемого, нет даже идеи, при помощи которой можно набросать хотя бы приблизительный план расследования. Зато есть улики — гильзы и пули. Но где тот пистолет, из которого выпустили семь пуль, у кого? Перспектива маячит не радужная: Щукин покрутится, побегаает, затем положит дело на полку, то есть оно останется нераскрытым, как уже было неоднократно. Недавний успех забудут, Архипу Лукичу снова прилепят ярлык бездарного следователя.

Щукин открыл окно, гроздя белых цветов акации висели прямо перед ним, в кабинет вползал тонкий аромат. Архип Лукич протянул руку, сорвал кисть акации и поднес к носу. А вон и первые пушинки полетели, скоро без очков станет невозможно выйти на улицу — тополиный пух закует город, как в вату, люди будут ругаться, жаловаться на аллергию и с нетерпением ждать спасительных дождей. А Щукин в отличие от многих любит тополиный пухопад, может часами наблюдать за беспорядочным полетом белых хлопьев и удивленно поднять брови на вопрос: «Чем же они вас привлекают? Наверное, оторванностью от основания — от дерева. Летят они себе и летят, и куда их занесет ветер — не знают». Куда Щукина приведет новое дело, он тоже не знает.

Из показаний свидетелей, которых опросили Вадик и Гена, ничего не ясно. Выстрелы слышали, мужчину в черном плаще и в шляпе видели немногие. Он вышел из гаража (не бежал!) и скорым шагом ушел в сторону балки. Балка — место безлюдное, заросшее растительностью, но и там, то есть напротив нее, живут люди. Вадик и Гена опрашивали всех, вдруг кто-то заметил «шутника», ведь выстрелы слышны далеко, наверняка они испугали людей.

Шукин взглянул на часы. Время подходило к концу рабочего дня, а Валентин Самойлов не явился. Почему? Неужели он не заинтересован в расследовании? Или все же нечаянно выяснил, что стрелявший был не мужчиной, а женщиной? И теперь Валентин попросту не хочет скандала с женой? Такое вполне может быть.

2

За руль села Муза, Валентин был не в состоянии ничего делать. Приехав домой, она нашла мужа в удручающем состоянии. Не то чтобы он запил, ныл или трясся от страха, нет. Валентин соответствовал слову «мужчина», умел держать себя в руках, а переживал внутри, правда, при этом становился угрюм и молчалив. Лучше бы посуду побил, поскандалил, ну хоть как-то выплеснул ком ужаса, который пережил два дня назад и который продолжал удерживать его в плену. Когда Муза к нему обращалась, Валентин старался быть таким, как раньше, но... Как раньше, он уже не будет. Что-то с ним произошло невообразимое, событие, которое не под силу осмыслить разумом, и, хотя все кончилось благополучно, Муза чувствовала это «что-то» у себя за спиной. Оно притаилось и замерло в ожидании удобного момента...

Сначала Муза не поверила рассказу Валентина. Но, увидев следы от пуль, услышав рассказы соседей о ночных выстрелах, она едва не умерла. Родного, любимого, ненаглядного Валентина могло не стать! Муза не представляла себе жизни без мужа. Собственно, без него жизнь ей вообще не нужна. «Я люблю» — это не просто слова, это океан счастья, который выпадает одному человеку из миллиона. Счастье выпало ей. Конечно, благосклонности Музы добивались многие другие парни, с ее внешностью можно было выйти за-

муж за «толстого кошелька», и такие кошельки бегали за ней. Но Муза ценила себя дороже самого «толстого кошелька». Она и сейчас помнит первое знакомство с Валентином, будто это было вчера. Произошло это на улице, на остановке. Она собралась ехать к одному парню на день рождения и вдруг услышала:

— Девушка, если вы откажетесь со мной погулять хотя бы час, я умру у вас на глазах прямо на этой остановке.

Оглянувшись, увидела Валентина и подумала: «Бабол». С ее стороны чувства с первого взгляда не было, любовь одурманила Музу чуть позже. А тогда она сказала, что занята, и прыгнула в троллейбус. А он... он запрыгнул за ней. Вышел тоже с ней, шел сзади до самого подъезда того дома, куда шла Муза. Хлопнула за ее спиной дверь подъезда, и, казалось, они больше не увидятся. Муза веселилась на дне рождения, забыв о случайной встрече, а когда отправилась домой в сопровождении именинника, столкнулась с Валентином там, где оставила его, — у подъезда. Удивилась, не более. Валентин снова пошел следом и таким образом узнал, где живет Муза. На следующий день он караулил ее с утра и с цветами. Вручил букет, сказал, что сейчас торопится на работу и что вечером будет ждать ее у входа в парк. На свидание она пришла из любопытства, а через неделю осталась у него. Потом они забрали ее вещи из родительского дома. Расписались, когда вот-вот должна была родиться Ирочка. К этому остается прибавить пять лет счастья. И какой-то негодяй хочет украсть ее счастье? Не бывать этому никогда! В запале Муза остановила машину посередине дороги (хорошо, хоть за городом, где транспорта мало) и повернулась к мужу со словами:

— Надо купить пистолет. Нет, два. Один тебе, второй мне.